

Огромная благодарность Ане и Лин.
Без вас этой книги бы не было.

ПРОЛОГ

Антон

Незадолго до того, как все случилось, Хельга звала меня к себе. Весенняя Дева уже отстрелялась, и правила Летняя — Юля. На улице было жарко, как в Преисподней.

Обычно Хельга пережидала лето у себя в Сокольниках, заказывала вентилятор помощнее и на три месяца превращалась в добропорядочную пенсионерку. Однажды я спросил, может ли она растаять. Хельга рассмеялась и посоветовала мне читать поменьше сказок.

Вентилятор я установил ей еще весной, продукты заказывал раз в неделю, так что понятия не имел, зачем она позвонила. Я приехал ровно в десять, как условились. Хельга не терпела опозданий.

Она открыла дверь, внимательно осмотрела коридор и отступила внутрь квартиры.

— Заходи.

На всякий случай я тоже оглянулся, но ничего странного не заметил. Хвостов не было — их я быстро определял еще с армии.

— Приветствую.

Я вошел. Коридор выглядел как обычно: деревянные стеллажи по углам, плетеная дорожка. Пахло пылью и деревом. Непохоже было, что Хельге что-то угрожало.

— Что случилось?

— Что ты с порога... Проходи.

Держась за стену, Хельга прошлепала на кухню. Волосы ее побелели, сама она стала словно ниже ростом, сторбилась. Неудивительно, что летом она не показывалась людям.

— Сделай чайку, — велела она, а сама села за стол, вытянув ноги в тапочках.

Иногда она напоминала мне школьную учительницу: на затылке торчал жидкий седой пучок, тщедушное тело утопало в голубом свитере с люрексом, строгая черная юбка прикрывала острые колени. Только глаза оставались внимательными и зоркими, как у коршуна.

Я вскипятил воду и заварил чай. Поставил две белых чашки без рисунка на выскобленный стол.

— Я сяду?

— Уж будь добр.

Я сел так, чтобы видеть приоткрытую дверь кухни. Проверил кобуру на поясе. Хельга криво усмехнулась и отхлебнула чай.

— Крепкий... Хорошо.

Я ждал. Она выпила полчашки и сказала:

— Скоро настанет час, Антоша. За мной придут. Не сейчас. Еще есть время. — Она замерла, как будто прислушивалась. — Есть время.

Я положил руки на стол.

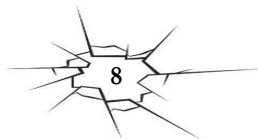
— Я останусь.

— А ни к чему. Так уготовано. Судьба... Тебе надо будет постараться после.

— Я смогу тебя защитить.

Она покачала головой.

— Я и сама могу себя защитить. Но никто не избежит судьбы. Мне давно уже пора. Достаточно душ я намучила.

Я оглядел кухню. Два окна, одно приоткрыто — можно пробраться. Третий этаж — вполне. Дверь хлипкая, замок никуда не годится. Поменяем. Если я переберусь сюда, уж как-нибудь...

— Кто нападет? — спросил я. — Когда?

Хельга сверкнула глазами из-под седых ресниц.

— Ты не слушаешь! — рассердилась она.

Я выдержал ее взгляд.

— Ты человек. — Хельга крепко сжала мне запястье сухими пальцами, и я почувствовал, как лед прошил мышцы аж до самой кости. — И спорить со мной брось. Слушай до конца и делай, что сказано. Затем ты и служишь.

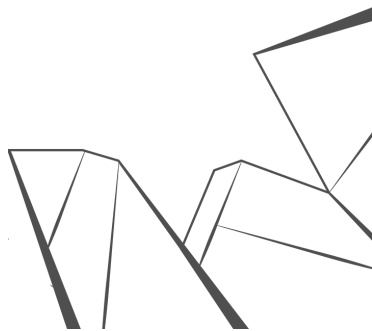
Руку хотелось вырвать до чертиков, но я знал, что будет только хуже. Сделал два вдоха и на третий произнес:

— Так точно.

— Так-то. — Она кивнула, будто сама себе, и отпустила меня. — Седьмого июля этого года в девять тридцать две. Будь под землей. Где надпись «Пролетарская». Найди ту, у которой волосы светлые и влажные, и страх сковал сердце. Спаси ее, даже ценой чужих жизней. Она и будет мне заменой.

Мокрые волосы и страх в сердце? Это как искать иголку в стоге сена. Но деваться мне было некуда. Если Хельги не станет, некому будет замораживать мое сердце.

— Во что она будет одета? — наконец спросил я.

ГЛАВА 1

Вера

Наум раздраженно ворчал на кухне.

Вообще-то я не знала, как его зовут — Принц, Васька или просто Кот, — но решила, что так, с именем, мне будет проще с ним подружиться. Кот был старый, неповоротливый и вместо мяуканья выдавал что-то похожее на «умм». Морда его вечно выражала недовольство, усы раздраженно подрагивали всякий раз, когда я звала его, а вид был такой, словно это не он у меня, а я у него живу. В каком-то смысле так оно и было: крошечную однушку в Текстильщиках мне сдали с наказом «позаботиться о старом котике» и похоронить во дворе, когда придет время.

Последний месяц Наум был единственным живым существом, которое составляло мне компанию, если не считать доставщиков пиццы и краснощекой кассирши из «Пятерочки». Целыми днями я строчила в тетрадь с серыми листами, найденную тут же, на антресолях. Писала все, что помнила из прежней жизни — точнее, то, что случилось три года назад.

Редкие вылазки за продуктами и мелочами вроде порошка и прокладок чередовались с ночными кошмарами и попытками снова заснуть среди шорохов старой квартиры. Но я не жаловалась. То, что я вообще прожила этот месяц, не растворившись в воздухе и не покончив с собой, уже было неоспоримой победой.

Надо было двигаться дальше. Так что сегодня я приняла два важных решения. Во-первых, никаких больше выдуманных денег: обидно будет разменять остатки души на воображаемые бумажки. Во-вторых, пора было возвращаться к нормальной жизни.

Три года назад я пропала из мира, едва успев окончить школу. Выпускной класс запомнился мне страшилками учителей о том, как тяжело сдать ЕГЭ, и периодическими препинаниями с мамой на тему выбора профессии. Мама верила, что любого человека может прокормить бухгалтерия. Я считала, что бухучет совместим со мной так же, как лохмотья бездомного с фарфоровой вазой.

«Уммм!»

— Ну что опять?

Уже двадцать минут я пыталась открыть файл с ЕГЭ по истории за прошлый год. Не знаю, в каком году появились компьютеры, но тот, что стоял передо мной, явно относился к первой сотне. Стационарный блок занимал почти все место под столом. Монитор напоминал большую белую коробку и постоянно мигал.

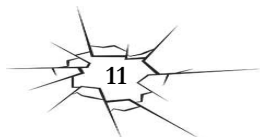
Можно, конечно, просто вообразить себе школьный аттестат и результаты экзаменов...

— Наум?

Я закрыла программу и прислушалась. На кухне было подозрительно тихо. Никто не драл остатки обоев, не мял лапой случайно упавший пакетик и не разбрасывал по полу наполнитель из лотка. А если он умер? Лежит там в луже... Пытаясь избавиться от навязчивой картинки, я перевела взгляд на монитор. На заставке девушки с обрубками на головах, взявшись за руки, водили хоровод.

— Наум!

Я поднялась, чувствуя все затекшие мышцы разом, и пошла на кухню. Коридор освещала единственная ту-

склая лампочка, но я уже настолько привыкла, что могла ориентироваться на ощупь.

Кухня была крошечная, с выдавшим виды линолеумом, явно самодельным столом на одного и кушеткой вместо стульев. Кот сидел на столе и смотрел на меня желтыми глазами. Пол перед ним устилали исписанные листы, сплошь помятые и изодранные.

Вот нахал.

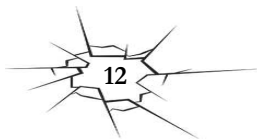
— Хочешь остаться без ужина? — Я начала собирать листы, на автомате отмечая, что тексты о Косте остались целыми.

Кот моргнул. Я одернула домашнее платье — одно из нескольких, что нашлись в шкафу бывшей хозяйки квартиры, — и демонстративно повернулась к нему спиной.

Единственная чистая чашка стояла у плиты, остальные выстроились в ряд у мойки. Хозяйка из меня еще та, конечно. Я включила электрический чайник с жирными отметинами чьих-то пальцев и вдруг ощутила навалившуюся усталость.

Уже месяц я пыталась заглушить воспоминания трехлетней давности и научиться жить в новой реальности. Посоветоваться было не с кем. Звонить подругам со словами «Знаешь, последние три года меня не было в мире» — идея так себе. Да и не было у меня таких подруг.

Чайник вскипел, я залила пакетик и поставила исходящую паром чашку на пяточок свободного от листов стола. Допустим, сдам я ЕГЭ. Два обязательных, русский и математика, плюс один по выбору. Даже проверну аферу с фальшивым аттестатом. Поступлю в институт. Найду подработку. Буду, как все, проводить часть жизни в дороге, часть — на работе и учебе, а в редких перерывах вспоминать, что существует другая реальность — ярче,

красочнее, объемнее. Стоит только представить ее себе... и заплатить за это очередным кусочком души.

Я сделала глоток. Чай горчил. На кухне становилось жарко — сквозь приоткрытое окно просачивался нагретый солнцем воздух. Наум спрыгнул со стола, задрал облезлый рыжий хвост и растянулся на пороге. Я со вздохом подобрала последние раскиданные им листы, выхватив из строчек несколько слов — *Костя, удар, лезвие*. Сердце забилось, как у хомячка в клетке.

Никто больше не погибнет по моей вине.

— Умм!

— Ты голодный, что ли?

Я проверила его миску — на доньшке лежала пара крошек сухого корма. Тут я вспомнила, что сама с утра ничего не ела, и в животе заурчало. Варить макароны или рис не хотелось — наелась за последний месяц.

Я вернулась к компьютеру и по памяти вбила в поисковик название любимой пиццерии. Страница грузилась бесконечно. Вот бы забрать ноутбук у мамы... Но как заявиться к ней после трех лет, я не представляла. Наверняка числюсь пропавшей без вести или что-то вроде того.

Страница загрузилась, и на экране замелькали аппетитные картинки.

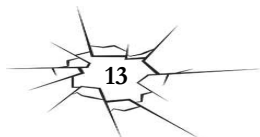
«Умм!»

— Я поделюсь с тобой, ненасытное животное, только замолчи!

«Умм!»

— Ну что такое?

В дверь позвонили — высоко и противно вскрикнула писклявая «птичка». В груди мазнуло дурным предчувствием, но я затолкала его подальше. Это же реальность. Здесь чудовища не прячутся на лестничной клетке.

Я тихо подошла к двери и, приподнявшись на цыпочки, заглянула в глазок. В коридоре стоял высокий и ужасно худой мужчина. Издалека его можно было бы принять за узника концлагеря. Лестер был не похож сам на себя: некогда роскошную шевелюру сменили редкие седые волосы, у глаз залегли глубокие морщины, а помятый льняной костюм, больше похожий на пижаму, балахоном висел на тощем теле. Но это был он.

Секунду помедлив, я открыла.

— Что ты тут делаешь?

— И тебе привет, Вера. — Лестер погладил воздух у моего лица.

Ногти у него были узкие, пальцы походили на птичьи когти. Взгляд не отрывался от точки где-то посередине моего лба. Я вспомнила: в своей реальной ипостаси Лестер был слеп.

За спиной снова мяукнул Наум, вальяжно приблизился к Лестеру и понюхал носки его остроконечных туфель. Интересно, поймет ли животное, что Лестера... как бы это сказать... не существует.

— Откуда ты? — спросила я.

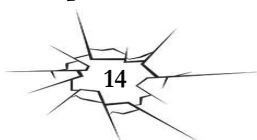
Он пожал угловатыми плечами.

— Оттуда же, откуда и ты. — Голос его был немного сиплый, с вкрадчивыми нотками.

Я отступила вглубь квартиры. Пригласить его? Вряд ли он просто испарится, раз пришел. Лестер никогда не появлялся просто так и никогда не приносил хороших вестей.

Тут дверь квартиры напротив распахнулась, и в коридор вылетела растрепанная конопатая девочка.

— Саня не пойдет гулять! — завопила она. — Он не съел кашу! Я сама видела. Ой!.. — Она с разбега врезалась в Лестера. Я уловила знакомое выражение на его лице — смесь надменности и отвращения.

За девочкой появился такой же растрепанный мальчик. Кроме памперсов и домашних тапочек на нем ничего не было.

— Вс'о она в'от! — пискнул он. — Ой, киса!

Наум, предупредительно мявкнув, юркнул в комнату. Мне захотелось последовать его примеру.

— А вы здесь жив'оте, да? — Ребенок обошел Лестера и просунул голову в коридор. — А киса выйдет?

Мальчик потерял об косяк нечесаной шевелюрой, и памперс с едким запахом почти коснулся моей ноги. Девочка отпихнула брата и попыталась сама заглянуть в коридор.

— Эй, ты че пи'аешься?

— Я старше!

— А я си'нее!

— А я все маме расскажу!

По сравнению с этими детьми Наум был сущим ангелом.

— Дети! — начала я. Кажется, никто так не обращается к детям, кроме учителей из старых советских книг, которые я читала в детстве. — Киса уже старенькая, она не хочет...

— Кис-кис-кис! — засюсюкала девочка и протянула собранные в горсть пальцы.

Да господи, это же не утка. Я заслонила ей проход.

— Киса устала и хочет спать.

— Хочу кису! — Мальчик несильно стукнул по наличнику и выставил ножку на порог.

Я с надеждой взглянула на дверь напротив, обитую дерматином. Вдруг мама все-таки позовет их? Или няня. Или бабушка. Но тишину коридора нарушало только упрямое «кис-кис-кис». Лестер застыл, как мумия, а Наум наверняка уже прорыл ход в Нарнию. Похоже, помощи ждать было неоткуда.

